

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Вахтин, Борис Фирсов

15–17 января 2013 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге прошла конференция «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня, завтра».

Идея конференции сводилась к следующему (прочитываем *call for papers*, распространенный весной 2012 года):

После революционной российской трансформации 1991 года прошло 20 лет, но в стране до сих пор не выработаны эффективные механизмы публичного обсуждения насущных проблем. Организаторы конференции исходят из того, что не последнюю роль здесь играет «синдром публичной немоты», вызванный недостаточной развитостью того, что можно назвать «публичным регистром» русского языка.

В современном русском языке хорошо разработан «официальный регистр»: языковые, стилистические и жанровые особенности официальных речей целиком унаследованы от советской эпохи, когда жесткая регламентация и высокая ритуализованность сочетались с предельной мерой ответственности за произнесенное публично, а результат «обсуждения» был известен заранее. Ничуть не хуже — а может быть, и лучше — разработан у нас и «приватный регистр»: дружеские, доверительные разговоры «на кухне» составляют отличительную черту позднесоветской и постсоветской российской культуры. Однако регистр, который обслуживал бы ситуации публичной речи перед незнакомой и не обязательно дружественной аудиторией, помогал бы доносить свою позицию до оппонентов и добиваться сближения позиций, в современном русском языке практически отсутствует.

В этих условиях роль публичного регистра в ситуациях, когда он должен бы быть востребован, играют либо официальный, либо приватный регистры. Использование официального регистра

в публичных дискуссиях немедленно вызывает у участников ассоциации с «заорганизованностью», избыточной формализацией и заранее предрешенным результатом. Использование же частного регистра, с другой стороны, ассоциируется с не-обязательностью получения какого-либо результата вообще и с необходимостью скорее одолеть противника в споре, чем участвовать в совместных поисках компромисса.

Дефицит навыков цивилизованного участия в общественных обсуждениях, ограниченное владение публичным регистром ощущаются как реальный барьер на пути развития гражданского общества в современной России: люди оказываются неспособны совместно и в ограниченное время прийти к консолидированному мнению, не готовы участвовать в публичных поисках взаимоприемлемых компромиссов.

Организуемая ЕУСПб конференция посвящена обсуждению очерченной выше проблемы и преследует как научную, так и общественную цель: научная цель конференции — разобраться в причинах и истоках «синдрома публичной немоты», а ее общественная цель — начать академическую дискуссию о методах лечения этой социокультурной «болезни».

Эта книга¹ строится на идеях, высказанных в некоторых из докладов на этой конференции². Жанр книги хорошо описывается известным советским оксюмороном «коллективная монография»: тексты, написанные разными авторами, но объединенные общей идеей и единым планом.

Обсуждаемая в книге проблема состоит в следующем. После крушения коммунистической системы в России

---

¹ Первое издание книги вышло по-английски в 2016 году в издательстве Edinburg University Press под названием «Public Debate in Russia: Matters of (Dis)order». Настоящее русское издание практически идентично английскому, за исключением присутствующей в английском и отсутствующей в русском издании главы Максима Кронгауза «Russian and Newspeak: Between Myth and Reality» (публикацию этой главы по-русски см.: [Кронгауз 2015]).

² Не в последнюю очередь — на идеях проф. Мэри Маколи (Mary McAuley), которая, к сожалению, не смогла принять участия в самой книге.

на месте «единомыслия» возникла какофония мыслей и мнений. Однако публичные дискуссии этого периода не принесли ожидаемых плодов, отчасти потому, что россиянам, воспитанным на «партийном новоязе» как единственной дозволенной форме публичной речи, *оказалось не на чем говорить*. Дело не только в том, что потенциальные ораторы не владели соответствующим регистром русского языка, но еще и в том, что те, к кому ораторы обращались, этот регистр не понимали. В советскую эпоху право гражданина на публичное слово регулировалось партийными инстанциями, «компетентными органами», официальной цензурой — и самоцензурой. «Советский народ» знал только два варианта речи: приватный («кухонный») и официальный советский; в конце 1980-х — начале 1990-х годов этого оказалось недостаточно.

Корни этого социального явления уходят как в историю Российской империи, так и в советские времена, в область взаимодействия власти и общества, официальной (имперской или советской) идеологии и групповых социальных отношений¹.

Сегодня социологи, антропологи, лингвисты остро чувствуют неспособность российского населения к консолидации различных мнений, неготовность к деятельному участию в публичных поисках взаимоприемлемых компромиссов. Это — последствия хронического и запущенного социально-культурного заболевания «эпохи развитого социализма», последствия десятилетий властвования «тоталитарного языка».

Тоталитарному языку (*newspeak, langue de bois, LTI* и др.) и тоталитарному дискурсу посвящены как классические работы, так и более недавние исследования [Заславский, Фабрис 1982; Karpinski 1984; Seriot 1985; Thom 1989]. Многие авторы обращались к анализу «языка большевиков»

---

¹ Это социальное «заболевание» было впервые диагностировано и изучено (хотя и не названо) в знаменитом сборнике «Вехи» [1909], прежде всего в статьях Н. А. Бердяева, М. О. Гершензона, А. Изгоева и Б. Кистяковского, см.: [Brooks 1973].

[Wierzbicka 1990; Young 1991; Epstein 1991; Купина 1995; 1999; Земская 1996; Dunn 1999; Gorham 2003; Гусейнов 2003, 2004; Poppe 2007; Чудакова 2007], однако детальный анализ по-прежнему встречается нечасто. В последнее время появилось несколько книг, анализирующих советские и постсоветские речевые практики [Gorham 2014; Koteyko 2014; Petrov, Ryazanova-Clarke 2015], однако подходы этих исследований отличаются от нашего¹.

Наш подход использует понятие *публичного регистра*. Мы пытаемся объяснить механизмы, препятствующие модернизации и демократическим реформам в России, через устойчивость «советского» типа аргументирования, предлагая широкий исторический и синхронный обзор проблемы, возможный только в коллективном научном труде.

Книгу открывает вводная глава 1 (**Николай Вахтин**. *Дискурс убеждения в тоталитарном языке и постсоветские коммуникативные неудачи*), в которой автор, используя понятие тоталитарного языка, обобщает теоретическую рамку книги и демонстрирует различия между русской и американской практиками публичных дебатов на примере знаменитого «кухонного спора» 1959 года между Хрущевым и Никсоном. Во второй части главы суммируются методы и приемы обучения граждан ведению публичных дебатов в англоязычных странах и обсуждается вопрос о том, возможно ли прямое заимствование этих приемов или требуется создание собственных методик.

В главе 2 (**Дмитрий Калугин**. *«Много спрашася, не обретоша истинны»*, или *Поэтика коммуникации власти и общества в России древней и новой*) показано, что отсутствие в русском языке публичного регистра — это результат сознательной стратегии сначала имперских, затем советских, а теперь и путинских властей, целью

---

¹ Майкл Горэм, как кажется, слишком спешит, называя то, что происходит с языком в современной России, ситуацией «после ньюспика». Неля Котейко в указанной книге исследует заимствования и метафоры, чтобы показать изменения и преемственность в тонких взаимодействиях языка и политики в постсоветской России.

которой являлось сделать социальный диалог невозможным. Эта стратегия глубоко укоренена в русской истории, что автор показывает на примере нескольких ее эпизодов: полемики в древнерусской литературе XI–XVI веков; знаменитой переписки Грозного с Курбским; публичных дискуссий XVIII века под патронажем Екатерины Великой; политических дискуссий XIX века, и, наконец, общественного отношения к судебным реформам 1860-х годов и введению суда присяжных.

Следующие четыре главы представляют собой очерки из разных периодов русской истории.

В главе 3 (*Литература правовой популяризации и употреблении языка (конец XIX — начало XX века)*) Мишель Тисье продолжает с того исторического момента, на котором останавливается глава 2, и анализирует разные попытки создать популярный язык для описания юридических понятий на рубеже XIX и XX веков, в зависимости от того, как «элиты» относились к «народу», и от способности последнего воспринять юридический дискурс. Следует ли объяснять юридические понятия простыми словами, чтобы «народ» мог их понять? Или следует постепенно просвещать и обучать «народ», развивая его юридическое сознание через употребление сложных юридических терминов?

В главе 4 (*«Как писать в газету»: язык и власть на заре советского публичного языка*) Катриона Келли описывает важный жанр в истории русского публичного языка («письма в редакцию») в контексте ранней советской культуры. Попытки заставить всех «говорить по-большевистски» (если воспользоваться известным выражением Стивена Коткина) менее характерны для двадцатых годов, чем различные попытки модернизировать язык, используя зарубежный опыт. «Письма в редакцию» призваны были привлечь советские массы к политическим дискуссиям, но поставили вопрос о языке: ведь западные «письма в редакцию» (ведущие отсчет с XVIII века) традиционно были написаны на языке образованного класса. Эта проблема так и не была решена, и «письма

в редакцию» в конце концов слились в жанровом отношении с языком советского политического «мейнстрима».

В главе 5 (*Между улицей и кухней: риторика с(о)ветского собрания в литературе и кино*) Валерий Вьюгин показывает, что «советское собрание», в которое включаются и массовые митинги, и партсобрания, и другие формы публичных сборищ, имеет вполне конкретные дискурсивные и пространственные особенности. В главе с позиций пространственного и дискурсивного символизма власти проанализирован образ такого собрания, как он предстает в литературе и в кино начиная с двадцатых годов, через годы зрелой советской власти и до последних десятилетий ее существования.

Глава 6 (Борис Фирсов. *Был ли советский официальный дискурс гегемоническим?*) демонстрирует, как «новояз» вытеснял «человеческий язык» из идеологических дискуссий начиная с 1930-х годов. Массовое идеологическое оболванивание, вездесущий псевдомарксизм, преследования за малейшие отклонения от «линии партии» оказали влияние не только на массы, но и на партийных лидеров. На материале дневника Анатолия Черняева автор показывает, какими лингвистически и интеллектуально беспомощными становились Брежнев и его окружение, если им приходилось выступать «без бумажки»: хозяева официального дискурса, они утрачивали дар человеческой речи.

Следующие пять глав предлагают для рассмотрения конкретные случаи коммуникативных удач (и неудач) современной России.

Глава 7 (Борис Гладарев. *Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века*). Причиной неспособности к публичной дискуссии, по мнению автора, является не только отсутствие соответствующего регистра, но и отсутствие опыта. Автор показывает это, используя результаты трех социологических исследований: «Социальная история петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия», 2007–2009; «Environmental Activism in

St. Petersburg and Helsinki: Comparing Analyses of Political Cultures», 2010; и «Городские движения в современной России: в поиске солидарных практик», 2011–2012. Данные, собранные методом включенного наблюдения, ярко демонстрируют беспомощность участников, независимо от их социального положения и добрых намерений: люди не умеют превратить полифонию мнений в разумный консенсус. В главе детально разбираются признаки и причины этой беспомощности.

В главе 8 (Александра Касаткина. *Садоводческие товарищества в поисках нового смысла: анализ дискурса общих собраний в СНТ*) приведены результаты исследования методом включенного наблюдения общих собраний «садоводческих товариществ»: небольших, формально самоуправляемых коллективов горожан — владельцев дачных участков. «Общее собрание» такого товарищества формально является его высшим руководящим органом. В главе показано, как отсутствие регистра публичной речи и неумение слушать другого разрушают ход собрания и делают его бессмысленным.

В главе 9 (Капитолина Федорова. *«Дистанция огромного размера...»: официальный vs. публичный язык*) исследуется материал протестных движений 2012 года и показывается, как существенно различаются заседания оргкомитетов антипутинского и пропутинского митингов: если второе проходит целиком в рамках «официального» регистра речи, то первое старается выработать и использовать новый, публичный регистр.

Главы 10 и 11 рассматривают основной вопрос книги на примере СМИ.

В главе 10 (Юлия Лернер, Клавдия Збеневич. *Нутро на публику: публичный разговор о личном в постсоветской медиакультуре (на примере передачи «Модный приговор»)*) авторы показывают, каким мощным инструментом реформирования языка и создания новых языковых регистров является телевидение. В главе описывается появление нового языка, нового «терапевтического» дискурса, создаваемого

телевизионными ток-шоу, прежде всего программой «Модный приговор» — публичным обсуждением моды, перепределяющим принятые границы приватного.

Глава 11 (Лара Рязанова-Кларк. Деформация речи и немота в сатирическом контрдискурсе) продолжает линию предшествующей главы, описывая язык сатирических интернет-видео периода «либерального» правления президента Медведева и показывая, как речевые деформации и немота используются в качестве орудия сатиры в клипах Олега Козырева «Рулитики».

Книгу завершает **глава 12 (Олег Хархордин. Прошлое и будущее русского публичного языка)**. Она начинается с описания знаменитого руководства для публичных обсуждений в США — «Robert's Rules of Order»; затем переходит к анализу попыток создания аналогичных процедур на первых заседаниях русской Думы (1905–1917), далее — к большевистским и позднесоветским дебатам и завершается обсуждением перспектив публичных дискуссий в современной России. Основной проблемой здесь является то, что отсутствие публичного регистра, неясные правила ведения дискуссий, характерные для современной России, помогают правящим элитам сохранять свое доминирующее положение в обществе.

* * *

Эта книга адресована всем, кому интересны актуальные проблемы современного российского общества, историко-культурные и социальные причины их порождения. Тема, которой посвящена наша книга, взята из реальной жизни. Российское общество, уставшее в советский период своего развития от принуждения к единодушию и раболепию, бурно отреагировало на предоставленные права и свободы несговорчивостью, конфликтами ценностей, демонстрацией разногласия и фатальной неспособностью едва ли не всех социальных и политических субъектов разного калибра к разумным компромиссам.

Авторы книги не ставили перед собой задачи успокоить бушующее море общественного несогласия. Их миссия — в том, чтобы указать на ресурс, который может понизить степень диссонанса жизни российского социума. Этим ресурсом является язык в той особой своей роли, когда он перестает раскалывать соотечественников на несоединимые части, помогает им ограничивать индивидуальный эгоизм и способствует консолидации социума. Язык может стать тем средством, которое позволяет людям договориться, преодолевая «синдром публичной немоты». Этот вывод построен на хорошо известном положении, что роль языка не сводится к отражению социальной реальности. Язык *конструирует* реальность, выступая своеобразной основой полноценного и всестороннего взаимодействия людей.

Чтобы не заканчивать предисловие на пессимистической ноте, завершим его цитатой из главы Бориса Гладарева:

Приобретение коммуникативной компетенции, освоение «манер» и правил публичного поведения — все это скорее культурные, чем политические процессы, а культура меняется медленно. Тем не менее недавние эмпирические наблюдения за дискуссиями различных инициативных групп, собраний и общественных движений позволяют различить стремление людей преодолеть привычные коммуникативные барьеры, найти нужные слова и обнаружить то *общее*, что делает нас *обществом*.

Литература

- Гусейнов Г. (2003). Советские идеологемы в постсоветском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата.
- Гусейнов Г. (2004). Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата.

- Заславский В., Фабрис М. (1982). Лексика неравенства: к проблеме развития русского языка в советский период // *Revue des études slaves*. Vol. 54. № 3. P. 387–401.
- Земская Е. (1996). Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // *Вопросы языкознания*. № 3. С. 23–31.
- Кронгауз М. А. (2015). Русский язык и новояз: между мифом и реальностью // Кронгауз М. А. Слово за слово: о языке и не только. М.: ИД «Дело» РАНХиГС.
- Купина Н. А. (1995). Тоталитарный язык: словарь и речевые реалии. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Купина Н. А. (1999). Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Чудакова М. О. (2007). Язык распавшейся цивилизации: материалы к теме // Маризетта Чудакова: новые работы: 2003–2006. М.: Время. С. 234–348.
- Brooks J. (1973). *Vekhi* and the *Vekhi* Dispute // *Survey*. Vol. 19. № 1. P. 21–50.
- Dunn J. A. (1999). The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // *Language and Society in Post-Communist Europe* / Ed. J. Dunn. Basingstoke; New York: McMillan. P. 3–11.
- Epstein M. (1991). *Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: an Inquiry into the Language of Soviet Ideology*. Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional Paper. № 243. Washington: The Woodrow Wilson International Center for Scholars [<http://www.emory.edu/INTELNET/ideolanguage2.html>].
- Gorham M. S. (2003). *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Gorham M. S. (2014). *After Newspeak: Language Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Karpinski J. (1984). *Mowa do ludu: szkice o jezyku polityki*. London: Puls.
- Koteyko N. (2014). *Language and Politics in Post-Soviet Russia: A Corpus Assisted Approach*. London: Palgrave Macmillan.
- Petrov P., Ryazanova-Clarke L. (eds.) (2015). *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe*. Abingdon: Routledge.

- Poppel L. (2007). *The Rhetoric of Pravda Editorials: A Diachronic Study of a Political Genre*. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 33.
- Seriot P. (1985). *Analyse du discours politique soviétique*. Paris: Institut d'études slaves.
- Thom F. (1989). *Newspeak: The Language of Soviet Communism (La langue de bois)*. London; Lexington: The Claridge Press.
- Wierzbicka A. (1990). *Antitotalitarian Language in Poland: Some Mechanisms of Linguistic Self-Defence*. Charlottesville: University of Virginia Press.
- Young J. W. (1991). *Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents*. Virginia: University of Virginia Press.